

*Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 38–43.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2022. Vol. 3 (72). P. 38–43.*

Научная статья
УДК 94(47).084.8
doi: 10.54398/1818510X_2022_3_38

**АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ДЕТСТВА
НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ (1941–1945 ГГ.)**

Красноженова Елена Евгеньевна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
eleena@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1679-8590>

Аннотация. Актуальность исследования различных сторон нацистского оккупационного режима, существовавшего на территории Северо-Запада России, обусловлена спецификой региона в военный период, которая заключается в длительности его оккупации нацистскими армиями, формировании здесь весьма устойчивой системы оккупационной администрации, в активном сопротивлении оккупантам, существовании здесь партизанских краёв и зон. Цель работы – на основе анализа архивных документальных источников показать нацистскую оккупационную политику в отношении детей и подростков, определить характер преступлений в отношении их. Научная новизна исследования состоит как в анализе самой оккупационной политики против детей и подростков, исследовании форм и методов её реализации на территории Северо-Запада России, так и в классификации документальных источников через призму выявления в них преступлений против детства, совершенных оккупантами в рассматриваемом регионе. В работе над статьёй использованы сравнительно-исторический и статистический методы, метод источниковедческого, структурно-диахронного и системного анализа. Исследование основано на документальных источниках центральных и региональных архивов городов Северо-Запада России. В их числе – акты районных и поселковых комиссий по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, опросные листы граждан, вернувшихся с принудительных работ опросные листы граждан, вернувшихся с принудительных работ, документы Ленинградского штаба партизанского движения, документы личного происхождения, представленные письмами и воспоминаниями жителей. Многочисленные архивные документы свидетельствуют о характере преступлений, совершенных в отношении детства. Массовые преступления против детей и подростков сопровождали не только карательные акции оккупантов, они лежали в основе их политики, направленной на истребление местного населения, на угон его на принудительные работы, в том числе в Германию в качестве дешёвой рабочей силы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Северо-Запад, военное детство, акты районных и поселковых комиссий, опросные листы граждан, Ленинградский штаб партизанского движения, преступления, принудительные работы, оккупанты

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-28-20189, <https://rscf.ru/project/22-28-20189/>; исследование выполнено за счёт гранта Санкт-Петербургского научного фонда в соответствии с соглашением от 15 апреля 2022 г. № 62/2022.

Для цитирования: Красноженова Е. Е. Архивные документы о преступлениях против детства на территории Северо-Запада России (1941–1945 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 38–43. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_3_38.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

ARCHIVAL DOCUMENTS ON CRIMES AGAINST CHILDHOOD IN THE NORTH-WEST OF RUSSIA (1941–1945)

Elena E. Krasnozhonova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia
eleena@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1679-8590>

Abstract. The relevance of the study of various aspects of the Nazi occupation regime that existed in the North-West of Russia is due to the specifics of the region during the war period, which consists in the duration of its occupation by Nazi armies, the formation of a very stable system of occupation administration here, active resistance to the occupiers, the existence of partisan edges and zones here. The purpose of the work is based on the analysis of archival documentary sources to show the Nazi occupation policy towards children and adolescents, to determine the nature of crimes against them. The scientific novelty of the research consists both in the analysis of the occupation policy itself against children and adolescents, the study of the forms and methods of its implementation in the territory of the North-West of Russia, and in the classification of documentary sources through the prism of identifying crimes against childhood committed by the occupiers in the region under consideration. Comparative-historical and statistical methods, the method of source studies, structural-diachronic and system analysis are used in the work on the article. The research is based on the documentary sources of the central and regional archives of the cities of the North-West of Russia. Among them are acts of district and village commissions to investigate the atrocities of the Nazi invaders, questionnaires of citizens who returned from forced labor, questionnaires of citizens who returned from forced labor, documents of the Leningrad headquarters of the partisan movement, documents of personal origin submitted by letters and memoirs of residents. Numerous archival documents testify to the nature of the crimes committed against childhood. Mass crimes against children and adolescents were accompanied not only by the punitive actions of the occupiers, they were the basis of their policy aimed at exterminating the local population, at stealing them to forced labor, including to Germany as cheap labor.

Keywords: The Great Patriotic War, the North-West, military childhood, acts of district and village commissions, questionnaires of citizens, Leningrad headquarters of the partisan movement, crimes, forced labor, occupiers

Acknowledgments: this work has been supported by the grants the Russian Science Foundation № 22-28-20189, <https://rscf.ru/project/22-28-20189/>; this work has been supported by the grants the St. Petersburg Scientific Foundation in accordance with the agreement no. 62/2022 dated April 15, 2022.

For citation: Krasnozhonova E. E. Archival documents on crimes against childhood in the North-West of Russia (1941–1945). *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2022, no. 3 (72), pp. 38–43. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_3_38.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Актуальность исследования различных сторон нацистского оккупационного режима, существовавшего на территории Северо-Запада России, обусловлена спецификой региона в военный период, которая заключается в длительности его оккупации нацистскими армиями, формировании здесь весьма устойчивой системы оккупационной администрации, в активном сопротивлении оккупантам, существовании здесь партизанских краёв и зон.

Актуальность проблемы оккупации территории Северо-Запада России и Беларуси обусловила значительный исследовательский интерес к ней. В работах П. Р. Швердалкина, Ю. П. Петрова, В. М. Гриднева рассмотрены отдельные стороны оккупационной политики нацистских захватчиков на территории Северо-Запада России [11; 21; 34]. Из исследований последних лет следует отметить труд Н. А. Ломагина, в котором уделено внимание проблемам немецкой оккупационной политики и настроениям местных жителей, находившихся под воздействием вражеской пропаганды [19].

Особое место в исследовании Великой Отечественной войны занимает проблема коллаборационизма, представленная в работах Б. Н. Ковалева, М. И. Семиряги, В. А. Пережогина и других авторов [13; 20; 23]. Статьи современных петербургских исследователей Г. Л. Соблева, М. В. Ходякова, Е. Е. Красноженовой, С. В. Кулика посвящены как организации оккупационного режима, так и жизни на оккупированной территории Северо-Запада России [14; 16; 24].

Территориальные рамки исследования ограничены территорией Северо-Запада России, где в годы Великой Отечественной войны был установлен жестокий оккупационный режим. Хронологическими рамками исследования выступают 1941–1944 гг., т. е. период оккупации региона.

Цель работы – на основе анализа архивных документальных источников показать нацистскую оккупационную политику в отношении детей и подростков, определить характер преступлений в отношении их. Научная новизна исследования состоит как в анализе самой оккупационной политики против детей и подростков, исследовании форм и методов её реализации на территории Северо-Запада России, так и в классификации документальных источников через призму выявления в них преступлений против детства, совершенных оккупантами в рассматриваемом регионе.

Основная часть

В период Великой Отечественной войны на территории Северо-Запада России был установлен жесточайший оккупационный режим, направленный на уничтожение местного населения, разграбление национального богатства и ресурсов. Многочисленные документальные свидетельства раскрывают систему гитлеровских оккупационных органов, а также злодеяния, совершенные захватчиками. Преступная оккупационная политика была разработана в директивных документах и программных выступлениях нацистских лидеров.

О геноциде против жителей оккупированной территории, осуществлённом гитлеровскими захватчиками, свидетельствуют многочисленные архивные документы. Прежде всего, это акты Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, акты местных (районных, городских и областных) комиссий; свидетельства очевидцев; донесения, рапорты и спецсообщения разведчиков и партизан; доклады, информационные записки, стенограммы и протоколы заседаний партийных и советских органов, материалы медицинских экспертиз массовых захоронений жертв. В состав документальной базы вошли также документы личного происхождения – письма, воспоминания, детские рисунки. Так, в фонде Р-9421 Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) представлены документы Ленинградской областной Комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, действовавшей с середины 1943 по 1947 г. [22, с. 10–11].

Многочисленную группу документов составили акты районных и поселковых комиссий по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, хранящиеся в архивах. Акты комиссий основывались на многочисленных показаниях очевидцев. Так, акт комиссии Кингисеппского района по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков об уничтожении жителей города Кингисеппа и Кингисеппского района (10 октября 1944 г.) содержит информацию об уничтожении около тысячи мирных советских граждан – жителей района [8, л. 2–8]. Причинами жестоких расправ над гражданским населением служили отказ от угона в Германию, связь с партизанами, саботаж мероприятий оккупационных властей.

В актах обнародована часть итоговых количественных данных, представленных областными комиссиями, например, число угнанных в немецкое рабство, повешенных, расстрелянных, замученных и сожженных заживо во время оккупации мирных советских граждан. Так, после освобождения территории Псковщины Чрезвычайная комиссия собрала свидетельства о массовом уничтожении наряду евреев и цыган [10, л. 1].

Дети и подростки не были защищены от террора германской армии, что подтверждается рядом фактов. В январе 1942 г. нацисты расстреляли 10-летнего Константина за то, что он снял ручные часы с трупа немецкого солдата. Вериникин (имя ребёнка в документе отсутствует. – *Прим. Е. К.*) 7–8 лет был расстрелян за то, что вошёл в немецкий блиндаж. В апреле 1942 г. 11-летняя Кондрашова Вера зашла в немецкую землянку, где взяла кусочек хлеба и две сигары, за что немцы на глазах односельчан повесили Кондрашову Веру, её мать Кондрашову Ольгу и брата Кондрашова Павла [17, л. 225–226]. В Васильковичах за кражу немецкого фонарика и другой мелочи были расстреляны дети: Прокофьев Сергей 1931 г. р., Перфильев Геннадий 1931 г. р., Баринов Александр 1932 г. р. и Вагин Виталий, 1929 г. р. [17, л. 51–52].

В Дедовичском районе фашисты заперли в подвале колхозницу Иванову Акулину Васильевну 66 лет с внучатами Женей 12 лет и Арсеем 9 лет, а дом подожгли. Все трое сгорели. Несколько дней спустя был расстрелян отец этих детей – Васильев Андрей Васильевич 38 лет, подозреваемый в связи с партизанами [1, л. 1–4]. 11-летний Валя Васильев, сын расстрелянного немцами Васильева Ивана Васильевича, мирно шёл по деревне к своему дому. Немецкий солдат, ради забавы, швырнул в него гранатой. Мальчик был разорван на куски [1, л. 1–4].

В Подберезском сельсовете Полавского района в июне 1942 г. немец-переводчик Отто распорядился создать 20 детей в возрасте от 8 до 10 лет. Детей под угрозой оружия погнали вырубать кусты впереди немецкой обороны. Два мальчика ушли домой. Отто приказал избить их плетьюми и снова послал работать. За сбор ягод на территории лагеря возле проволоки в июне 1942 г. была избита группа детей в возрасте 8–12 лет, в том числе Трошкова Римма 12 лет, Иванов Геннадий 11 лет, всего 15 человек. Миронова Геннадия 6 лет избил в августе 1943 года за детскую игру возле выходных ворот лагеря [33, л. 4–7].

9 января 1944 г. карательный отряд СС «Мертвая голова» учинил облаву на мирное население дер. Ямсковыцы Алексеевского с/совета. Все обнаруженные в деревне граждане, независимо от пола и возраста, уничтожались на месте. Среди них были и дети [28, л. 3–9].

31 января 1944 г. немецкие солдаты из части СС произвели облаву на мирных жителей посёлка Заречье, Ново-Порховского сельсовета. Группу задержанных в посёлке граждан, престарелых и детей численностью до 150 чел. загнали в дом местной жительницы Бряковой, заколотили гвоздями все двери. В доме Бряковой сгорели: Петрова, девочка 5 лет, трое детей Иоансовы Александры Ефимовны в возрасте 14 лет, 9 лет, и 5 лет, Гаврилов Толя, 3 года [28, л. 3–9].

Преступлением против детства стало сбрасывание нацистами с самолётов детских игрушек, начинённых взрывчатыми веществами. Когда дети поднимали эти игрушки, происходил взрыв, в результате которого они гибли или получали увечье, оставаясь калеками. По свидетельствам жителей посёлка Лисий Нос и Каупилово, от разрывов детских игрушек погибло 36 детей только по этим двум посёлкам, не считая детей и взрослых, получивших увечья [18, л. 14–15].

По показаниям врача Якубовой, только в первые дни войны 1941 г. от артиллерийских обстрелов и воздушных бомбардировок пострадало несколько сотен ленинградцев, проживавших на дачах в Парголовском районе. «Мне самой, — отмечала врач Якубова, — пришлось непосредственно оказывать медицинскую помощь дачным женщинам и детям, приехавшим из Ленинграда» [18, л. 14–15].

Особенно острой для населения стала проблема обеспечения продовольствием. Положение с продовольственным обеспечением населения оставалось катастрофическим на протяжении всего периода оккупации. Абсолютное большинство населения было совершенно истощено голодом. Люди питались мхом, рябиной, ходили опухшие, ослабшие, подбирали на помойках и у немецких кухонь отбросы, дети попрошайничали у немецких и испанских солдат, которые их грубо прогоняли.

Дети и подростки, безработные, иждивенцы, инвалиды находились на самом низу системы обеспечения. В условиях оккупации в некоторых районах Северо-Запада России была введена карточная система распределения продуктов. Однако питанием по карточкам обеспечивались только дети работающих или безработных родителей, которые были зарегистрированы на бирже труда. Так, с зимы 1942 г. нетрудоспособное население Гатчинского района получало по 150 грамм хлеба в день, а жители, направлявшиеся на работы — по 200 грамм хлеба и одному литру супа, так называемой «баланды», отвратительного вкуса и качества.

В актах ЧГК содержится и статистика по угону советских граждан в Германию. Так, в акте Волосовской районной комиссии было указано, что фашистские захватчики угнали в немецкое рабство 20 105 человек советских граждан [26, л. 1–5]. Первоначально вербовка на обязательные работы в Германию велась на добровольной основе. Однако число добровольцев было значительно ниже необходимых оккупантам работников. Поэтому они стали насильственно принуждать население к отправке в Германию.

Так, из деревни Захонье Большехрапского сельсовета Дедовичского района нацисты угнали 42 ребёнка в возрасте до 14 лет, в том числе 19 детей в возрасте до 7 лет. Из совхоза Вязье того же сельсовета было угнано 23 ребёнка до 14 лет, в том числе 10 детей до 7 лет. В марте 1943 г. из деревни Заклинье Подолешского сельсовета по проводимому набору был взят 16-летний Михаил Сатаров. Он проработал в имении 6 месяцев, получая в день 200 грамм хлеба и кружку баланды [3, л. 1–12].

Детей, захваченных с восточных территорий, использовали как на принудительных работах в пределах, так и вывозили в Германию. Дети в возрасте от 10 лет считались работниками. Оплата труда неквалифицированного работника (а подростки относились именно к этой категории) оценивалась в размере 50–70 % от зарплаты квалифицированного [17]. Дети в возрасте от 14 до 18 лет не имели квалификации, многие не успели окончить даже обязательной школы. Изначально в своих планах по эксплуатации захваченных земель и германизации населения нацисты не предусматривали профессиональное обучение детей. Оккупанты рассматривали детей и подростков в качестве дополнительной рабочей силы по расчистке от завалин, снежных заносов и ремонту дорог под контролем немецких военных, а также по разминированию, сбору неразорвавшихся снарядов и на других опасных для жизни работах.

Население угонялось в Германию насильно, а тех, кто не желал ехать, немецкие солдаты избивали и расстреливали. Так, 70 летняя Наталья Емельяновна из дер. Чернево Станковского сельсовета с внучкой Яковлевой Настей 3 лет пыталась укрыться от угона в лесу. Немецкие солдаты нашли и убили обеих. Та же участь постигла пытавшихся укрыться от угона Ефимова Андрея Ефимовича 47 лет с женой Анной Васильевной 40 лет и сыном Анатолием 4 лет из деревни Бельково Сосницкого сельсовета [1, л. 1–4].

Приоритетными мерами наказания за сопротивление стали репрессивные, в том числе карательные экспедиции, создание лагерей. С первых дней оккупации нацисты проводили систематическое истребление мирных граждан путём систематических расстрелов, сжигания живьём, повешения, создания нечеловеческих условий в лагерях. Во временно захваченных врагом районах гитлеровцы жестоко расправлялись со всеми, заподозренными в деятельности против оккупационного режима или в симпатии к советской власти. Документы свидетельствуют о расстрелах без суда и следствия, о повешениях. Так, в годы оккупации сильно пострадали жители Оредежского, Лужского и Гатчинского районов Ленинградской области. Не менее 2 000 человек было убито карателями в 1941 г. в посёлке Строганов Мост Меженского сельского совета Гатчинского района Ленинградской области [32, л. 11–16].

Массовые преступления против детей и подростков сопровождали не только карательные акции оккупантов, они лежали в основе их политики, направленной на истребление местного населения, на угон его на принудительные работы, в том числе в Германию в качестве дешёвой рабочей силы.

В ходе карательных операций уничтожались целые деревни с гражданским населением. Так, в период карательных экспедиций в феврале, марте, мае 1942 г. на территории Партизанского края, т. е. в 8 сельсоветах (Малышевском, Сосницком, Станковском, Паревичском, Дегожском, Ясковском, Бродковском и Юфимовском) все деревни были сожжены дотла, а население либо угнано, либо истреблено и только немногим удалось скрыться в лесах. В июле 1942 г. деревня Батанок Крутецкого сельсовета Дедовичского района была сожжена. 10 января 1943 г. немецкими солдатами были дотла выжжены деревни Масловка и Молагино Александровского с/совета Красногородского района, а все жители, 72 человека, были расстреляны, в т. ч. 29 человек детей. В Дновском районе было полностью сожжено 78 деревень и частично — 51 [7, л. 2–8].

В акте Гдовской районной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников о действиях карательных отрядов, уничтожении и угоне на принудительные работы мирного населения в Гдовском районе сообщалось о карательной экспедиции оккупантов в деревне Дымокорье 11 ноября 1943 г.: «всего в этот день было сожжено 26 человек, в том числе 8 человек детей с 6 месяцев до 10 лет, вместе с домами, в которых жили колхозники» [3, л. 1–12 об].

4 января 1944 г. в деревню Большая Горюшка Юрковского сельсовета Дедевического района явился немецкий карательный отряд и выгнал из домов всех жителей деревни к мосту через реку Люта. Здесь собралось около 150 стариков, женщин и детей. Оккупанты из 6 пулеметов открыли по ним стрельбу. Кроме взрослых жителей деревни, погибли и дети: Осипова Людмила 3 лет, Рыбкина Галина 4 лет, Алексеев Юрий 3 лет, Беляева Ольга 4 лет, Трофимова Нина 2 лет, Шмарев Николай 1,5 лет и Шмарев Анатолий 6 месяцев. Такая же судьба постигла деревню Починок, которую подошли 21 февраля 1944 г. отступающие с территории района немецкие войска [9, 2-9].

В тяжёлом положении оказались воспитанники детских учреждений. Не избежали чисток и детдома, которые систематически проверялись оккупантами на наличие еврейских детей, инвалидов. За время оккупации были уничтожены образовательные и медицинские учреждения, обслуживающие детское население. Так, в Дновском районе было сожжено 22 школы, 12 клубов, 24 библиотеки, 27 красных уголков, 2 больницы, 4 медицинских пункта, 5 детских яслей, 5 столовых [4, л. 1–4]. В Парголовском районе были уничтожены Лемболовская больница и амбулатория, детские ясли, Гарболовская больница и амбулатория, Куйвозовская амбулатория и детские ясли, Чернореченский родильный дом, амбулатория и детские ясли, Александровская амбулатория [18, л. 14–15 об].

Отдельным видом документов стали опросные листы граждан, вернувшихся с принудительных работ. В них сохранились сведения о месте и характере работы, об условиях содержания. Так, Кондратьева В. Н., 1927 г.р., уроженка Славковского района Псковского округа Ленинградской области, в опросном листе отмечала, что была угнана в октябре 1943 г. в германский город Зеертенберг и работала чернорабочей на местной фабрике. В качестве питания восточные рабочие фабрики получали 200 г хлеба и литр супа из брюквы. Одежду и обувь им не выдавали. Кондратьева описывает нечеловеческие условия труда рабочих, которых часто били, сажали в бункер, налитый холодной водой. Очень часто при таких случаях люди замерзали [2, л. 55–56 об].

В протоколах допроса её жителей в качестве свидетелей происходящего нашла отражение картина жестоких преступлений нацизма, совершенных на территории Северо-Запада России, в том числе против детей и подростков. Так, чудовищное насилие было совершено немцами над семьёй Тарасовых из деревни Большое Руддилово Кингисеппского района Ленинградской области. 30 января 1944 г., чтобы не быть угнанными в Германию, Г. Г. Тарасов, его сестра, О. Г. Тарасова, с пятью детьми возрастом от 2 до 11 лет выехали из деревни, рассчитывая укрыться в лесу. В деревне Пиллово Тарасовых повстречали немецкие солдаты, остановили их лошадь и всех расстреляли из автоматов [6, л. 3–9].

В деревне Терехонижье Карпинского сельского совета Волховского района Ленинградской области немецкие солдаты и офицеры забрали все продовольственные запасы у колхозников. «Голодные ребятишки вынуждены были бегать к фашистской кухне и просить пищу. Солдаты издевались над ними, заставляли лаять по-собачьи, а затем бросали что-либо из объедков» [25, л. 3–10]. Воспитанники Гатчинского детского дома сообщили в городскую комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков: «летом 1943 мальчик из нашего детского дома Сикалов Коля 6 лет пошёл просить хлеб, так как питание нам давали очень мало и мы голодали. За то, что Коля попросил хлеба, немецкий солдат схватил его и бросил в люк со смолой» [27, л. 2–10]. Полетаева Анастасия Ефимовна, свидетель преступления, совершенного в деревнях Санники и Малиновка, показала: «Я заметила, что в деревне Санники появились немцы, я спряталась в хлев и видела, как немцы сгоняли жителей деревни Санники в две группы, в одной группе были мужчины, во второй – женщины и дети. Собранных мужчин, женщин и детей загнали в сарай, после сарай с людьми зажгли. Немцы не обращали внимания на плач, крик, стон стариков, женщин и детей. Деревня Санники была полностью сожжена с людьми» [5, л. 69–71].

В ЦГАИПД СПб хранятся материалы Ленинградского штаба партизанского движения (фонд Р-116 Л). В нем сохранились документы проведённых партизанскими соединениями расследований. В партизанских документах не только показан размах антифашистской борьбы на Северо-Западе РСФСР в 1941–1944 гг., но и представлены мероприятия оккупационных властей против гражданского населения, в том числе против детей и подростков. Фонд содержит отчёты, докладные записки, сводки, донесения и другие документы командования партизанских подразделений и отдельных партизан о положении в оккупированных противником районах. В их числе такие документы, как информационные сводки о деятельности партизанских отрядов и о положении в тылу немецко-фашистских захватчиков [31, л. 12–16], о действиях немецких карательных отрядов и другие источники [29, л. 1–4]. В документах, освещающих возникновение и развитие партизанского движения, можно обнаружить сведения о налоговых сборах в зоне оккупации, функционировании образовательных и медицинских учреждений.

Партизанские документы содержат информацию о деятельности нацистских карательных отрядов на рассматриваемой территории. Так, сообщается, что в Тосненском районе Ленинградской области активно действовал карательный отряд СС под названием «Отряд смерти». Руководителем Тосненских партизанских отрядов сообщалось, что карателями были заняты все крупные деревни района. Районный центр и железнодорожную станцию Тосно охранял карательный отряд СС в составе 500 карателей и 2 000 солдат [29, л. 3]. Захватчики проводили карательные экспедиции, в ходе которых целые районы превратились в пустынные зоны.

Особую группу партизанских документов составляют докладные записки о положении в городах и деревнях региона, оккупированных немецко-фашистскими захватчиками и материалы к ним. Так, в Докладной записке Ленинградского штаба партизанского движения от 1942 г. по Батецкому району сообщалось: «Немцы пригнали из фронтовой полосы Новгородского и Старорусского районов 200 семей гражданского населения. Эвакуированные сильно бедствуют». Население Тосненского района эксплуатировалось на строительстве дорог и запасных оборонительных сооружений. Работавшие получали 200 г хлеба в сутки или овса [30, л. 31]. В результате «заготовительных рейдов» оккупанты изымали в деревнях все продовольствие. Подобный грабёж усилился в период отступления германских войск.

Ещё одна группа архивных материалов – документы личного происхождения, представленные письмами и воспоминаниями жителей. Воспоминания отразили малоизвестные бытовые подробности жизни населения в условиях

оккупации. Рассказчики поделились своими знаниями о различных сторонах повседневной жизни граждан в период войны, в том числе на контролируемой нацистами территории, приводя при этом немало любопытных деталей.

Значительное место в воспоминаниях занимает проблема голода. Так, А. П. Гусев, житель деревни Нестерково, писал: «К весне у нас не осталось никаких припасов. На продукты променяли все, вплоть до чугунов. Я совсем опух и не мог подняться даже на маленький пригорок. Не было соли... Когда пришло лето, стало чуть легче: ели клевер, лебеду, грибы» [12, с. 148]. Об этом же упоминал Смирнов (Лейбович) В. Д., житель деревни Слудицы [12, с. 151]. В воспоминаниях отражены и повседневные практики гражданского населения в условиях оккупации. Ремизова (Федорова) А. А. вспоминала: «Я ходила с другими детьми просить милостыню у немцев. Но жалости к нам у них не было. Они гнали нас прочь, пинали ногами. Изредка кидали кость или кусок хлеба» [12, с. 128].

Выводы

Таким образом, на захваченной территории Северо-Запада России был установлен жесточайший оккупационный режим, о котором свидетельствуют многочисленные документы, показывающие чудовищную картину уничтожения мирного населения оккупированных территорий, ограбления имеющихся материальных ценностей, промышленности и сельского хозяйства. Основным средством реализации генерального плана «Ост» стала политика геноцида, т.е. систематическое уничтожение целых групп населения по тем или иным причинам: из-за принадлежности к советским активистам, коммунистам, партизанам и т.д. Для реализации этого плана нацисты использовали захват заложников, рейды, погромы, карательные операции, лагеря смерти. Оккупационный режим явился заранее продуманной преступной политикой вермахта, характеризовался произволом и полной безнаказанностью немецких войск и оккупационной администрации по отношению к жителям захваченных районов. Весь комплекс представленных архивных материалов раскрывает преступную сущность нацистского оккупационного режима. До сих пор открываются новые архивные документы, содержащие факты совершения тягчайших преступлений и злодеяний, ответственность за которые не имеет срока давности.

Список литературы

1. Государственный архив Псковской области (далее – ГАПО). – Ф. 481. – Оп. 2. – Д. 65.
2. ГАПО. – Ф. Р-903. – Оп. 3. – Д. 500.
3. ГАПО. – Ф. Р-903. – Оп. 3. – Д. 3.
4. ГАПО. – Ф. 1219. – Оп. 1. – Д. 95.
5. ГАПО. – Ф. Р-1691. – Оп. 8. – Д. 10.
6. ГАПО. – Ф. Р-9421. – Оп. 1. – Д. 105.
7. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. Р-7021. – Оп. 20. – Д. 9.
8. ГАРФ. – Ф. Р-7021. – Оп. 30. – Д. 243. – Л. 2–8.
9. ГАРФ. – Ф. Р-7021. – Оп. 39. – Д. 316.
10. ГАРФ. – Ф. Р-7021. – Оп. 39. – Д. 336.
11. Гріднев, В. М. Крестьянство западных и северо-западных районов РСФСР в период немецко-фашистской оккупации 1941–1944 г. / В. М. Гріднев. – Москва : Ун-т дружбы народов, 1944. – 86 с.
12. Иванова, И. А. За блокадным кольцом (воспоминания) / И. А. Иванова. – Санкт-Петербург : Вести, 2010. – 640 с.
13. Ковалев, Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944 / Б. Н. Ковалев. – Москва : АСТ, 2004. – 483 с.
14. Ковалев, Б. Н. Гитлеровские преступления с признаками геноцида 1941–1944 гг. (на примере Чудовского района Ленинградской области) / Б. Н. Ковалев, С. В. Кулик // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2020. – № 7 (32). – С. 11.
15. Красноженова, Е. Е. К вопросу об использовании немецкой разведкой гражданского населения СССР в 1941–1944 годах / Е. Е. Красноженова, С. В. Куликов // Новейшая история России. – 2020. – № 10 (3). – С. 609–621. doi: 10.21638/11701/spbu24.2020.304.
16. Красноженова, Е. Е. Хозяйственно-экономические особенности нацистской оккупационной политики 1941–1944 гг. (на материалах Северо-Запада России) / Е. Е. Красноженова // Вопросы истории. – 2020. – № 11 (1). – С. 56–63. doi: 10.31166/VoprosyIstorii202011Staty17.
17. Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (далее – ЛОГАВ). – Ф. Р-351. – Оп. 1. – Д. 145.
18. ЛОГАВ. – Ф. Р-407. – Оп. 1. – Д. 141.
19. Ломагин, Н. А. Неизвестная блокада / Н. А. Ломагин. – Санкт-Петербург : Нева ; Москва : ОЛМА-Пресс, 2002. – 960 с.
20. Пережогин, В. А. Вопросы коллаборационизма / В. А. Пережогин // Война и общество. 1941–1945. – Москва : Наука, 2004. – Кн. 2. – С. 293–305.
21. Петров, Ю. П. Партизанское движение в Ленинградской области 1941–1944 / Ю. П. Петров. – Ленинград : Лениздат, 1973. – 454 с.
22. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1942–1943. – Ленинград : Ленинград. газет.-журнал. и книг. изд-во, 1944. – 252 с.
23. Семиряга, М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны / М. И. Семиряга. – Москва : РОССПЭН, 2000. – 863 с.
24. Соболев, Г. Л. Архивный фетишизм и историографический нигилизм в одном подходе к изучению истории обороны Ленинграда / Г. Л. Соболев, М. В. Ходяков // Новейшая история России. – 2020. – Т. 10, № 2. – С. 529–539.
25. Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). – Ф. Р-9421. – Оп. 1. – Д. 61.
26. ЦГА СПб. – Ф. Р-9421. – Оп. 1. – Д. 72.
27. ЦГА СПб. – Ф. Р-9421. – Оп. 1. – Д. 81.
28. ЦГА СПб. – Ф. Р-9421. – Оп. 1. – Д. 105.
29. Центральный государственный архив историко-политических документов г. Санкт-Петербурга (далее – ЦГА ИПД СПб). – Ф. Р-116 Л. – Оп. 2. – Д. 5.
30. ЦГА ИПД СПб. – Ф. Р-116 Л. – Оп. 2. – Д. 34.
31. ЦГА ИПД СПб. – Ф. Р-116 Л. – Оп. 8. – Д. 36.
32. ЦГА ИПД СПб. – Ф. Р-489 л. – Оп. 3. – Д. 44.
33. ЦГА ИПД СПб. – Ф. Р-396. – Оп. 7. – Д. 327.
34. Шевардакин, П. Р. Героическая борьба ленинградских партизан / П. Р. Шевардакин. – Ленинград : Лениздат, 1959. – 307 с.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Pskovskoj oblasti (GAPO). Found 481, inventory 2, case 65.
2. GAPO. Found P-903, inventory 3, case 500.
3. GAPO. Found P-903, inventory 3, case 3.
4. GAPO. Found 1219, inventory 1, case 95.
5. GAPO. Found P-1691, inventory 8, case 10.
6. GAPO. Found P-9421, inventory 1, case 105.

7. *The State Archive of the Russian Federation (GARF)*. Found R-021, inventory 20, case 9.
8. GARF. Found R-7021, inventory 30, case 243.
9. GARF. Found R-7021, inventory 39, case 316.
10. GARF. Found R-7021, inventory 39, case 336.
11. Gridnev, V. M. *Krestyanstvo zapadnyh i severo-zapadnyh rajonov RSFSR v period nemecko-fashistskoj okkupacii 1941–1944 g.* [The peasantry of the western and north-western regions of the RSFSR during the Nazi occupation of 1941–1944]. Moscow: Russian State University of Friendship of Peoples; 1944, 86 p.
12. Ivanova, I. A. *Za blokadnym kolcom (vospominaniya)* [Behind the Blockade Ring (memories)]. St. Petersburg: Vesti; 2010, 640 p.
13. Kovalev, B. N. *Nacistskaya okkupaciya i kollaboracionizm v Rossii, 1941–1944* [The Nazi Occupation and Collaboration in Russia, 1941–1944]. Moscow: AST; 2004, 483 p.
14. Kovalev, B. N., Kulik, S. V. Gitterovskie prestupleniya s priznakami genocida 1941–1944 gg. (na primere Chudovskogo rajona Leningradskoj oblasti) [Hitlerite crimes bearing the hallmarks of genocide, 1941–1944 (as exemplified by the Chudovsky district of the Leningrad Region)]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Memoirs of NovSU]. 2020, no. 7 (32), p. 11.
15. Krasnozhenova, E. E., Kulinok, S. V. K voprosu ob ispol'zovanii nemeckoj razvedkoi grazhdanskogo naseleniya SSSR v 1941–1944 godah [On the question of using the civilian population of the USSR by German intelligence in 1941–1944]. *Novejshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia]. 2020, no. 10 (3), pp. 609–621. doi: 10.21638/11701/spbu24.2020.304.
16. Krasnozhenova, E. E. Hozyajstvenno-ekonomicheskie osobennosti nacistskoj okkupacionnoj politiki 1941–1944 gg. (na materialah Severo-Zapada Rossii) [Economic and economic features of the nazi occupation policy: 1941–1944. (based on materials from the North-West of Russia)]. *Voprosy istorii* [Questions of history]. 2020, no. 11 (1), pp. 56–63. doi: 10.31166/VoprosyIstorii202011Staty17.
17. *Leningrad Regional State Archive in Vyborg (LOGAV)*. Found P-351, inventory 1, case 145.
18. LOGAV. Found R-407, inventory 1, case 141.
19. Lomagin, N. A. *Neizvestnaya blokada* [Unknown blockade]. St. Petersburg: Neva; Moscow: OLMA-Press; 2002, 960 p.
20. Perezhogin, V. A. *Voprosy kollaboracionizma [Collaboration issues]. Vojna i obshchestvo. 1941–1945* [War and society. 1941–1945]. Moscow: Nauka publ.; 2004, book 2, pp. 293–305.
21. Petrov, Yu. P. *Partizanskoe dvizhenie v Leningradskoj oblasti 1941–1944* [The partisan movement in the Leningrad region 1941–1944]. Leningrad: Lenizdat; 1973, 454 p.
22. *Sbornik ukazov, postanovlenij, reshenij, rasporyazhenij i prikazov voennogo vremeni. 1942–1943* [Collection of decrees, resolutions, decisions, orders and orders of wartime. 1942–1943]. Leningrad: Leningrad. gazet.-zhurnal. i kn. izd-vo; 1944, 252 p.
23. Semiryaga, M. I. *Kollaboracionizm. Priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroj mirovoj vojny* [Collaboration. Nature, typology and manifestations during the Second World War]. Moscow: ROSSPEN; 2000, 863 p.
24. Sobolev, G. L., Hodyakov, M. V. Arhivnyj fetishizm i istoriograficheskij nihilizm v odnom podhode k izucheniyu istorii oborony Leningrada [Archival Fetishism and Historiographical Nihilism in One Approach to Studying the History of the Defense of Leningrad]. *Novejshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia]. 2020, vol. 10, no. 2, pp. 529–539.
25. *Central State Archive of St. Petersburg (CGA SPb)*. Found P-9421, inventory 1, case 61.
26. CGA SPb. Found R-9421, inventory 1, case 72.
27. CGA SPb. Found R-9421, inventory 1, case 81.
28. CGA SPb. Found R-9421, inventory 1, case 105.
29. *Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (CGA IPD SPb)*. Found R-116 L, inventory 2, case 5.
30. CGA IPD SPb. Found R-116 L, inventory 2, case 34.
31. CGA IPD SPb. Found R-116 L, inventory 8, case 36.
32. CGA IPD SPb. Found R-489 L, inventory 3, case 44.
33. CGA IPD SPb. Found R-396, inventory 7, case 327.
34. Sheverdalkin, P. R. *Geroicheskaya borba leningradskih partizan* [The heroic struggle of the Leningrad partisans]. Leningrad: Lenizdat; 1959, 307 p.

Информация об авторе

Красноженова Е. Е. – доктор исторических наук, профессор.

Information about the author

Krasnozhenova E. E. – Doctor of Historical Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 12.05.2022; одобрена после рецензирования 02.06.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 12.05.2022; approved after reviewing 02.06.2022; accepted for publication 30.06.2022.